

A man and a woman are embracing in a winter setting. They are both wearing bright orange, quilted winter coats and heavy scarves. The man is also wearing a red knit hat. They are standing in front of a red car that has some snow or frost on its hood. The background shows trees with some yellow leaves, suggesting an autumn or early winter scene. The overall mood is warm and intimate.

Виктор Свешников

1-я семейная жизнь Емели книга 2

18+

Виктор Свешников
1-я семейная жизнь
Емели книга 2

<https://litres.ru/73520039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отрезок жизни, в котором Емеля попал на удочку развратной женщины, влюбился и прожил с ней девять лет, терпя откровенные измены и унижения собственного достоинства.

Содержание

1-я жизнь Емели	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Свешников

1-я семейная жизнь

Емели книга 2

1-я жизнь Емели

Ах, если б только знать,
Какой отмерен жизни срок?
И как судьбу свою исправить?
Вернуться в прошлое, хотя б разок
И по местам, как должно, всё расставить.

Глава 1

Итак, начиналась очень существенная часть моего бытия – городская жизнь. Я же никуда не уезжал один, не общался с незнакомыми людьми. В итоге, не знал существования, отличного от сельской действительности. К тому же был стеснительным и это несколько напрягало. Даже спросить что-то у незнакомца являлось пыткой. А наставляя меня в дорогу, мама делала упор на это. Говорила:

"Сева, если не знаешь чего или сомневаешься, всегда спрашивай у людей: кто-то да подскажет, – предупреждала, – смотри, кого выбираешь в друзья, держись подальше от шпаны, поломаешь себе свой век!"

И вот, четвёрка сельских юношей в городе. Мы добрались до училища, а от него разошлись по найденным квартирам. Они были недалеко друг от друга и вблизи от места учёбы. Баба Нюра, полная, склонная к шуткам женщина, встретила меня приветливо, показала комнату. В ней были старенький диван, стол у окна и одно древнее, но хорошее, высокое кресло. Да, и зеркало на стене. Хозяйка потом учила:

"Прежде чем выйти на улицу, обязательно загляни в него: парень должен иметь приличный вид. Тогда все девушки будут твои, но сюда не води!"

На что я ответил:

"Зачем они мне? Я приехал учиться".

На что она, с улыбкой, ответила:

"Ну, ну, похвально! Посмотрим, всё впереди".

Приехали мы за сутки до начала занятий. На следующий день собрались вместе, и пошли к училищу: знакомиться с улицей Советской, районом его расположения. Недалеко от учебного заведения находился городской рынок, несколько магазинов и небольшая аптека. Мы посетили сии "достопримечательности" и обнаружили особенную неприятность: везде много молодых людей с наглыми физиономиями и бесцеремонными манерами. Они приставали к одиноким юношам, особенно к сельским, которых было немало из-за присутствия рядом училища. "Колхозников" видно было по поведению: несмелые, простодушные, робкие в разговоре, с любопытством на лицах, смущённые присутствием большого количества людей.

Это было очень неприятное открытие для нас, не испытавших хамского, бесцеремонного отношения к себе. Мы даже не предполагали, что такое может быть. Оказалось, что сельская молодёжь была на особом счету у этой шпаны. Из-за того, что юноши были стеснительными, робкими, а в некоторых вопросах и наивными, подонки считали их неполноценными, забитыми и трусливыми. Как могли, бесславили, оскорбляли, а иногда, и откровенно издевались над парнями. Ходили подобные сволочи всегда группами, и с хамством приставали к одиночным ребятам. Грозя кастетами и ножами, забирали часы, деньги, опустошали карманы.

Как выяснилось затем, в то время это был подлинный разгул уголовников в городе. Как настоящих, так и будущих, которых они "воспитывали" и управляли ими. Быть блатным тогда, у малоумного ребячества считалось едва ли не шиком. И их легко сбивали с пути подонки всех мастей. В основном, это были забитые, тупые, неграмотные пацаны из неблагополучных семей, которых было много в то время. Ещё сказывалось влияние войны, нехватка мужчин и одиночество женщин. У ребят не было элементарных знаний о жизни, мире, нормальных человеческих отношениях. Они сами бывали битыми, беззащитными и потому легко попадали в "сети" тёртых уголовников.

А в их кругу они чувствовали себя вольготно, хотя всё было кажущимся, до поры, до времени – пока были на свободе. И главным в этом была "власть" над людьми. Разве не "приятно", когда, окружив парня, девушку, и даже мужчину или женщину, угрожая, а иногда и тыкая финками, заиметь над ними власть? Принудить говорить робкими голосами, выкладывать содержимое карманов, сумочек, отобрать украшения у слабого пола, пусть и простенькие! И ощущать себя при этом едва ли не вершителем их судеб! Ведь примитивный уголовник чувствует себя в это время, словно судьяй: захочу ткнуть ножом куда-то – ударю! Лишить жизни? – тоже могу! Понимает это и пострадавший: его бытие на волоске и в данный момент зависит от этих неполноценных негодяев.

Мы немного отклонились от сути, но это так было и продолжается до сих пор, хотя и не в таком масштабном проявлении. Прimitивные люди жили всегда. Но в то время был разгул преступности и об этом нас даже предупреждали в училище. Говорили, чтобы вечерами сидели дома, а выходить куда-то только группами. Представляете, так работала в то время милиция.

Наступило, первое сентября. Во дворе училища собравшихся приветствовали его директор и будущие преподаватели – воспитатели. Ребят оказалось немало, так как здесь обучали многим профессиям. Конечно, почти все – "колхозники", вначале дичились друг друга, затем стали объединяться по интересам, увлечениям в компании. И "жить" становилось легче.

После торжественной части учащихся развели по классам, где оказалось невероятно интересно. На стенах висели большие, красочные плакаты, с цветными изображениями различных электрических машин, их частей и внутренним устройством. На стендах, они стояли в натуре, но у них была удалена четверть корпуса и содержимого. А в вырезках видно расположение тех или иных деталей, составляющих машину или агрегат. Мне было невероятно интересно! Я уже говорил, очень хотелось узнать в подробностях: отчего вращается вал электродвигателя?

Итак, начались учебные будни. Из-за своего любопытства, пытаясь вникнуть в "альфу и омегу" подносимых знаний, я

до тех пор "изводил" преподавателей вопросами, пока не начинал ясно соображать суть явления или некоего действия. Электротехника и электропривод стали моими любимыми предметами. Ещё мне понравились уроки культуры, в которых, женщина в годах, учила нас нравственности, эстетике и правилам поведения в различных ситуациях. Обучаться было необычайно интересно. Но далеко не все были такими понятливыми. Конечно же, я вскоре попал на "доску почёта". Моя фотография пробыла на ней до окончания училища: уходя, я забрал её с собой. И она цела до сих пор.

Иногда, я смотрю на неё и не узнаю себя: каким был, и что стало со мной?! Куда делся изображённый на снимке юноша, совершенно непохожий на меня? Что делает с нами время? Как оно преобразовывает нас до неузнаваемости!

Обучаясь, я большее время проводил "дома". Этому было несколько причин: трудные, но интересные "науки"; помнил предупреждение – не шляться одному по незнакомому городу и колол у сарая хозяйки дрова на зиму.

Через три месяца, меня ошеломило письмо мамы. Она, с ехидцей, написала в нём: "Сева, скоро у тебя появится сынок или дочка. Что будем делать?"

Вначале её сообщение совершенно не тронуло меня. Я был настолько далёк от всего этого, что просто не обратил внимания на смысл известия: у кого он появится? Что мне до этого? Но... в конце, мама объяснила его, и я едва не упал с табуретки. Оказывается, злополучная Райка "доигралась"

с парнями и забеременела. При расследовании, устроенном матерью, её "пытками", она сказала, что в этом виноват я: она была со мной. Взбалмошная тётка Фрося прибежала к маме и объявила: "Твой Севка обязан теперь жениться на Райке!"

Представляете! Я в то время не знал ещё, "как подойти к девушке", а тут уже ребёнок! К тому же, всегда игнорировал Райку из-за её "прилипчивости". Я рассмеялся по поводу извещения, но возник вопрос: "А почему она указала на меня? Может, из-за того, что я сейчас отсутствую?" Как бы то ни было, предчувствуя предстоящие объяснения, на душе стало неприятно. Воспользовавшись тем, что наша беседа ведётся на расстоянии, написал маме прямо: "Я, не знаю ещё, с какой стороны подойти к девушке, а ты пишешь о детях. Очнись, мама! А с Райкой я и близко не был. Сама знаешь, я её недолюбливаю".

Мой отказ произвёл в селе фурор. Мама, при случае, везде говорила, что я тут не причём. Сообщение ещё больше разожгло любопытство людей – деревня! Многие до этого посмеивались: "Вот тебе и тихоня! Всё, попал Емеля, кончилась "холостяцкая" жизнь!"

Теперь стали гадать: "Кто мог сотворить подобное?" А дознаться было трудно: дурочка липла к нескольким, более старшим ребятам, и теперь молчала, словно рыба. Видимо, и "побывал" у неё не один, потому и не знала, кого упрекать. А Севки нет в селе, можно указать и на него. Глупая была

напугана и не мыслила дальше собственного носа: я же, когда-то вернусь!

Глава 2

Конечно, в то время я так не думал. Посмеялся в душе над уловкой Райки и вскоре забыл. Занимало другое: моё "обожание" не отпускало меня до сих пор.

За обидой и учением, некоторое время я не вспоминал о своей пассивности и потерял её след. Но осталось одно наваждение: примерно раз в три недели, мне снилась Катя. Ах, какие это были сны! Полная противоположность реальности. Прежние переживания, фантазии, воплощались в этих видениях в надуманные отношения. А как она была нежна со мной! Но, просыпаясь, я на некоторое время впадал в ступор: это был лишь очередной сон.

Так, незаметно, в учёбе и плановом труде, прошло четыре месяца, и... подступил долгожданный Новый год! Впереди недельные каникулы и мы, конечно же, отправились домой. Поехали другим путём, и нам довелось шагать, в ботинках, пять километров по нечищенной от снега дороге. В село пришли не чувствуя ног, мокрыми, но с подарками: белым хлебом, батонами и сладковатыми калачами. Конечно: радость встречи, разговоры об учёбе и городской жизни. Вечером пошёл в клуб. Там любопытные вопросы от ребят. Девушки, с заговорщическими лицами, поглядывая на меня, с ехидцей хихикали в мою сторону. Райки не было и вообще, я не видел её все семь дней, пока был на каникулах.

Мама даже "подковырнула" тётю Фросю:

"Что же, Райка, не идёт к своему "мужику"? Или не знает, что Сева приехал? А он "глаза проглядел", ожидая её!"

На что та ответила матом и последовала своей дорогой. Так я и не увидел свою "наречённую". Вероятно, от стыда, не выходила из дома на улицу. Мне даже жалко её стало: глупая и чрезмерно "любопытная"? Да и не одна она такая.

Новый год встречать собрались большой компанией и в клубе. Праздник, в котором желают всех благ на предстоящий год. Но "счастливым" он оказывается не для всех. У некоторых барышней и дам, поздравления и "пожелания" сбываются прямо в эту ночь, только с отрицательным эффектом. В данном отрезке суток, напившись, наивные девушки теряют целомудрие, а женщины, даже замужние, честь и достоинство. Иногда, те и другие оказываются нежелательно беременными и не знают от кого. Происходят насилия и драки. Но, зато подобные празднества помнятся всю жизнь. Вот оно, "счастье" в Новом году!

Через неделю мы вновь были в училище и обучение продолжилось.

Наконец-то я удовлетворил моё "вековое" любопытство: осознал, отчего вращаются валы электродвигателей и светятся спирали ламп. Теперь я понял, почему было так трудно школьнику объяснить мне возникновение электрического тока и взаимодействие появляющихся электромагнитных полей. Наука оказалась очень непростой, но страшно инте-

ресной. Результатом обретенных знаний, явилось и понятие подключения всевозможных электрических устройств и приборов. А к финалу учёбы, мы могли даже рассчитывать токи и напряжения в коммутируемых цепях в зависимости от подключаемых мощностей. Плюс к этим знаниям, мы "коснулись" и электроники. Ламповая радиотехника тогда начинала уступать место полупроводниковой. Всё было необычайно интересно.

Незаметно подошла предвестница лета. Стало пригревать солнце. Наступила пора, когда природа начинает обновляться и... умножаться". Это её влияние, неожиданно, почувствовал и я. Ночные видения запретных картин стали проявляться чаще и ярче. Как-то, незаметно, появился интерес к молодой, но старше меня, девушке-соседке. Она окончила музыкальную школу, и у неё был немецкий аккордеон. Огромный, из-за него виднелась только её голова. Красивый, не оторвать взгляда. А как он звучал?! Иногда, она выходила на балкон и исполняла полонез Огинского.

Это было нечто невероятное. Virtuозное воплощение знаменитого произведения на этом инструменте вызывало эффект игры оркестра. У дома собиралась толпа прохожих: никто не мог сдвинуться с места, пока музыка не кончалась. Затем начинались крики восхищений, восторга и просьбы сыграть ещё. Кто-то уже знал девушку по имени и, величая её, уговаривали повторить вновь. И опять аккордеон "ревел" всеми голосами. Музыка захватывала, увлекала и "тащила"

в стремнине за собой. Люди неистовствовали в аплодисментах. Забегая вперёд, скажу: больше я никогда не слышал и не ощущал подобного от исполнения этого произведения.

У меня её виртуозность вызывала волны "мурашек" и ассоциацию с бурной рекой. Она, прежде маленькая, тихая, но, по мере течения (игры), становится всё более быстрой, широкой. Лавинообразно заполняет близлежащие земли и вот, это уже яростный, горный стрежень, который волочит в себе огромные камни. Шум от их соударений, водоворотов и стремнины, заполняет окрестности (пик звучания инструмента). Затем аква вырывается на простор. Широко разлившись, мощный поток, величаво и спокойно, катит свои воды по некой долине (финал).

В таком контексте я воспринимал игру талантливой девушки Иры.

Вначале, я не обращал на неё внимания, да и некогда было. Но по мере втягивания в процесс учёбы, появлялось и свободное время. И месяцев через восемь, встретившись с ней на лестнице, она, с родителями, тоже жила на втором этаже, восхитился её игрой. Не помню как, но через несколько дней, мы уже проводили вечера, сидя на подоконнике широкого окна, на лестничной площадке. Как вы понимаете, подобные свидания не могли ограничиться только разговорами. Но в силу того, что у меня не было опыта в отношениях с девушками, то вёл я себя очень сдержанно. Да и шёл-то мне всего восемнадцатый год.

Ира была лет на пять старше, да к тому же городская барышня и это многое значило. А раньше, в шестидесятых годах, сельские люди и вовсе отличались от них, как небо и земля. Они более зажатые, как в мыслях, так и в поведении. Менее, а то и вовсе необразованные. Не такие осведомленные в манерах одеваться и держать себя в обществе, простых правилах во взаимных сношениях, ведения речи и так далее. В итоге, "деревенщину" было "видно за версту". Поэтому я, вначале стесняясь, стоял и слушал болтовню девушки, которая оказалась далеко не такой, как я.

Баба Нюра несколько раз пыталась предостеречь меня в отношении Иры. Говорила, о том, что она старше, не совсем достойного поведения и потому не пара для такого, как я (словно собрался жениться). А мне было интересно просто поговорить с городской девушкой. Ни о чём другом я и не думал в силу своей зажатости и отсутствия какого-либо опыта в общении с красивой половиной человечества. Но в плане поведения, Ира оказалась далеко не той, какой я представлял себе городскую барышню.

Она не была красавицей, хотя молодость сама по себе привлекательна. Чувственные губы, заметная грудь (у девушки), плотный стан и полные ноги делали её заманчивой для парней. Ира несколько не стеснялась меня и вскоре её речь стала принимать более интимный характер. Однажды она попросила поцеловать её. Я едва устоял на ногах: как, я же никогда этого не делал! Вихрем мелькнула мысль: "Зря я раньше

отказался от Райкиного предложения научить меня этому".

Я, стеснительно, прижался к её губам. Девушка оторвалась от меня. Со смешком, "схватила" мои губы и принялась "жевать" их. Это было, несомненно, приятно. Оказывается вот, как нужно это совершать! Начались бурные поцелуи. Когда она это делала, говорила: "Какой же ты наивный и приятный, деревенский красавчик!"

У меня восставало спереди и это приносило мне потом дискомфорт: требовалось удовлетворение. Но вскоре дошло и до этого. Тут же, на подоконнике: она сидела, а я стоя, производили запретные действия. При этом, она назначала строжайшее условие: не "пускать "живчиков" внутрь...! О таких вещах не пишут, и мы ограничимся сказанным. Так я узнал о "взаимодействиях" мужчин и женщин.

Итог: городская девушка "совратила", готового к этому, сельского лоха. Слова "секс" в то время и не слышали. Её пожилые родители начали привечать меня и даже приглашать к себе. Но в силу своей робости и глупости, я не понимал причины такого отношения ко мне и отказывался, ссылаясь на учёбу. Да и баба Нюра запрещала мне это делать (мудрая была женщина). И впоследствии, это окажется правильным: с её помощью, я пойму, чего от меня хотели постоянно ссорящиеся, пожилые родители Иры. Её отец, тщедушный, всегда плохо выбритый, мужичок, был пьяницей и часто находился в нетрезвом виде.

Мне запомнилась одна сцена, воспоминание о которой

вызывает улыбку. Наш большой двухэтажный дом отапливался индивидуальными печами и имел хозяйский двор. В нём, на каждую семью приходился сарай, в котором хранились заготавливаемые на зиму дрова, уголь и керосин. Дядя Костя разливал его по бутылкам, укупоривал бумажными пробками из газет. Чурки привозили большими, и их нужно было раскалывать, что хозяин и делал. И здесь проявлялась одна особенность: после этой процедуры, из сарая он приходил, едва держась на ногах.

Тётя Маша пыталась следить за ним из окна, но безрезультатно: из двора не выходит, но пьяный. Она попросила меня "помочь ему": попытаться узнать, как и где он ухитряется выпивать? Дело оказалось проще некуда: он ставил бутылки с водкой среди керосина и также закупоривал их пробками из газеты. Я оказался между двух огней и поведал об этом бабе Нюре. Она подсказала выход: "Ничего не говори ей, пусть сама ищет".

Глава 3

И тётя Маша всё-таки нашла. В отсутствие пьяницы перебрала все бутылки и наткнулась на водку. Что она сделала? Не вылила, но добавила в них керосина: испортила драгоценную жидкость. После работы, дядя Костя побежал в сарай "подколоть дровишек". Но через пять минут вернулся с белой физиономией. Мы повстречались на лестнице, и он крикнул мне:

"Ты выдал меня, негодяй?!"

Не зная сложившейся ситуации и не понимая в чём дело, я спросил:

"Дядя Костя, вы, о чём говорите?"

Вероятно, видя моё недоуменное лицо, алкан махнул рукой и со стоном: "Ааэх!" – побежал наверх. Если бы вы видели: как он был взволнован!? На нём просто "не было лица".

В квартире он накинулся на жену. Она, как я потом узнал, в это время чистила чайник, большой, тяжёлый. Ну и, отбиваясь, треснула им по голове мужа. А я, поднявшись на площадку, в открытую дверь, вижу смешную картину. Пьяница, схватившись руками за башку, лежит у входа и верещит не своим голосом:

"Убила, сука, жизни лишила!"

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться, а тётя Маша, увидев меня, закрыла дверь. Из-за неё долго ещё потом раз-

давались крики. Вечером они, словно, ничего и не произошло, сидели за чаем на балконе.

Вот так мы и жили. Кончалась весна. В училище я был отличником, но в жизни у меня не было никакой практики в общении с плохими пацанами. Я ни с кем не дрался и при грубом отношении ко мне, всегда терялся. Проще сказать: был трусливым, сельским идиотом. И вскоре это подтвердилось в весьма унижительном для меня деянии. Сейчас не помню, почему я оказался один на мосту через реку Ворону. Протекает такая вблизи города. Место, в то время, было довольно безлюдным. Навстречу мне, вдруг, словно из-под сооружения, возникли четыре парня. Подойдя, они, с усмешками на наглых физиономиях, шеренгой, встали передо мной.

Один из компании хихикнул и произнёс:

– Ха, а вот и колхозник! Наверное, из училища. – Обращаясь ко мне, спросил с ухмылкой, – деревня, можешь назвать длину этого моста в спичечных коробках?"

Я наивно ответил:

– Нет, зачем мне это нужно?"

На что, подлец, сделав "простодушное" лицо, ответил:

– Понимаешь, а нам это очень нужно знать. Ты куришь?"

Я утвердительно кивнул.

– Ну и прекрасно. Доставай коробок и начинай измерять его длину.

Я, по "колхозной" наивности, возмутился:

– Да что вы, ребята! Этого и до вечера не сделать.

Я "торчал" перед ними "столбом" и не знал, что делать? Говоривший со мной, неожиданно, выхватил нож. Со злобой на прыщавой хारे, ткнул им меня в ягодицу. Боли я в то время не почувствовал, наверное от трепета. Негодяй завопил:

– Ты что, глухим сделался от страха? Меряй мост, колхозник!

Вокруг никого не было. Что делать? Я вынул коробок и начал откладывать его длину по асфальту. Почувствовал течь крови по ноге. А эти мрази, оставаясь на месте, посмеиваясь, курили.

Не могу сказать, сколько прошло времени, и подлецы вновь подошли ко мне. Всё тот же, негодяй, спросил:

– Сколько насчитал, колхозник?

Я ответил:

– Двести тридцать шесть.

– Хорошо, – посмеиваясь, одобрил он,

– мы уйдём, а ты продолжай отмерять. При очередной встрече скажешь нам результат.

– И вдруг, неожиданно, крикнул:

– Выворачивай карманы! Давай деньги! Были твои, станут наши!

У меня с собой было три рубля. Я, молча, вынул бумажку и протянул ему. Он схватил деньги и с воплем:

– Я тебе приказал вывернуть карманы! – извлёк откуда-то нож и резко ударил им меня в грудь, слева. Я почувствовал даже, как ручка холодного оружия упёрлась в рёбра. В то

же время, наверное, от страха, боли не было. Компания, при этом, расхохоталась. Другой негодяй, подскочив ко мне, ловко обшарил карманы. Больше у меня ничего не было. Ударив кулаком в лицо, порекомендовал:

– В следующий раз бери больше с собой!

Четвёрка, со смехом, покинула меня, а я продолжал стоять, словно столб. Приходя в себя, вспомнил: "Меня же ударили ножом, да ещё в грудь! Но я живой". От проявленной трусости, на душе было омерзительно и тошно. Негодяи ушли, а меня всё трясло. Из ран слабо текла кровь, и я поспешил домой. Там тётя Нюра обработала их и сказала, что они неглубокие. Но я же чувствовал, как ручка ножа упёрлась в рёбра! Позже я понял, что лезвие уходило внутрь неё, оставляя только кончик. Он и наносил мелкую рану для устрашения.

Я сейчас удивляюсь наглости и цинизму этих мерзавцев. Как меняется подобный человеческий отстой, уходя на кривую дорожку бытия! Под влиянием мнимого превосходства над людьми, с кастетами, ножами, заточками, шилами, они считают себя едва ли не вершителями судеб. У них меняются походка, манера поведения, появляется беспрецедентная наглость в диалогах, которая сражает нормального человека. Он теряется от такого обращения и, понимая исходящую от них угрозу для своей жизни, не знает, как вести себя с подобными негодяями. А те могут еще, и поиграть перед тобой своим "оружием".

... Незадолго до окончания училища, бесцеремонная баба Нюра объявила:

– Машка, твоя будущая тёща, сказала, что Ирка в положении и говорит, это ты "надул" её! Доигрался, мандюк! Я тебе не раз напоминала: она нехорошего поведения! Что сейчас будешь делать? Как поступишь с ней?

Это известие едва не лишило меня рассудка. То, что мы, считанные разы и давно, совершали с ней и сношением-то трудно назвать. Да и встречались мы в последнее время эпизодически: учёба становилась всё более сложной. И вот, на тебе! Мне она, при мимолётных встречах, ничего не говорила. Как сейчас быть?

Трудно объяснить моё тогдашнее состояние. Мне было около восемнадцати лет. Ни жизненного опыта, а главное, ума, в ту пору не было, и я даже отдалённо не представлял, что будет дальше? Плюс к этому, хочу сказать прямо, девушка стала надоедать мне своей настойчивостью, бесцеремонностью в поведении при встречах. К тому же, после "свиданий" с нею, у меня бывали болевые ощущения внизу живота. Образно говоря, процесс не заканчивался, как нужно: молодой был и глупый. А девушка становилась всё настойчивей и меня это раздражало.

В общем, я попал на умело закинутый крючок. Трудно-разрешимый вопрос не выходил из головы. Он всё дальше увлекал меня в непонятные дебри будущих проблем и загадок. Я стал избегать randevу с Ирой. Тётя Маша, в нечаян-

ных встречах, настойчиво приглашала в гости к ним. Я, конечно, отказывался, мотивируя тем, что много домашних заданий и у меня нет времени. Даже похудел, и баба Нюра заметила это.

Однажды, она усадила меня перед собой и приказала:

– Повествуй, "как на духу", об отношениях с Ирккой? Я что-нибудь придумаю. И не ври мне. Возможно, от этого станет зависеть твоя судьба.

Что было делать? "Идущий ко дну, в надежде выплыть, хватается и за соломинку". Я рассказал своей спасительнице буквально всё. Даже о болях внизу живота: ничего не утаил. А она, слушая мою исповедь, только приговаривала: "Ишь, ты, мандюк!" "Ах, ты, мандюк!" Это было её любимое слово. По окончании моего изложения, выдала заключение: "Да, тут может быть всякое!" – и рассмеялась.

Я, обидчиво, спросил:

– Что тут является смешным?

Она, опять же, со смехом, ответила:

– Да всё, дурость ваша. Ладно, ты глупый! А она-то, взрослая, а какая идиотка! Но такой наглости я от неё не ожидала. Ладно, сынок, мы и не такое знавали! Я организую другую квартиру: у моей подруги. Тем более, что учиться тебе осталось всего месяц.

В этот вечер, баба Нюра, крупно поскандалила с соседями. Отчитала тётю Машу: назвала её "хитрой дурындой", а дочь – "беспутной". Мне было неприятно слышать это. На

следующий день она отвела меня на другую квартиру. Соседям сказала, что моё обучение закончилась и я, с аттестатом, уехал домой.

Новая хозяйка, тётя Виола (Виолетта), оказалась тоже солидного возраста, смешливой женщиной, но высокой и худощавой. Она не расспрашивала меня о случившемся: видимо, баба Нюра всё донесла ей. Сказала только, что она строгая и не потерпит у себя подобного "разврата".

Глава 4

Больше я никого из бывших соседей не видел. А вскоре началась подготовка к экзаменам: мне вовсе стало не до этого. Хотя отлично знал и разумел саму суть электричества и привод связанных с ним механизмов. Волновался: первые в жизни кадровые экзамены!

Тестирование я прошёл на пять и получил свидетельство об окончании учебного заведения, в котором по всем предметам стояли пятёрки. Женщины похвалили меня, и я слёзно распрощался с хозяйками. Они стали дороги мне, особенно баба Нюра: замечательная была женщина. У меня о ней остались только тёплые воспоминания. Прожил у неё почти год, словно дома, с мамой. Я оказался привязчивым человеком. К сожалению, больше я в этом городе ни разу не был и ничего не знаю о дальнейшей судьбе упомянутых людей.

У меня начиналась трудовая эпопея. В училище, вместе с аттестатом об окончании, нам выдали и трудовые книжки, в которых год учёбы уже считался рабочим стажем. По распределению, я – электромонтёр, попал в спецколонну – 24. Вначале работали в городе: меняли в старых домах комнатную проводку. Устанавливали счётчики, переделывали подключения к линии электропередачи. Люди относились к нам неодинаково. Некоторые возмущались тем, что после наших работ оставалось много мусора и... пыли. Особенно от про-

цесса выполнения скрытой проводки.

Многие уже тогда хотели этого, но не понимали последствий от подобного монтажа. Приходилось ручным способом: молотком и зубилом, "штробить" стены и потолки для прокладки в них проводов. При этом в комнате висела несусветная пыль и во все стороны летели частицы штукатурки и кирпича. И сами мы выглядели при этом, словно, белесые "черти". Увидев подобное зрелище, некоторые люди приходили в ужас и даже обвиняли нас в халатном подходе к делу, неумении работать. Но иных способов выполнения канавок для проводов тогда не было. Это сейчас их прорезают специальным инструментом, с отсосом пыли и возможностью регулировки глубины штробы.

А в то время, именно это занятие было ужасным. Правая рука настолько уставала от молотка, что к вечеру поднималась уже с болью. К тому же, по окончании трудового дня, "домой" приходилось идти пыльным и грязным, в лучшем случае, смывшись. Стояли мы в снимавшихся спецколонной квартирах, где, иногда не было туалета и ванны. Даже воду случалось носить в вёдрах из колонок на улице и греть на печах. Ютились по несколько человек и сливали её друг другу на руки. Так мы жили раньше. Вот она, "романтика" специалиста с первичным запасом профессиональных сведений!

В один из дней я получил настоящий удар током: проявилась моя неопытность. Исправляя что-то в квартире, я отключил напряжение: вывернул предохранители, в народе

их называли пробками, и оставил на счётчике (нужно было забрать их с собой). А сам работал в другой комнате. Пришёл хозяйский сын из школы и заметил, что в квартире отсутствует "свет". Не видя меня и обнаружив вывинченные "пробки", он взобрался на установленный мною стол и ввернул их на место. В результате, я угодил под удар током с напряжением в 220 вольт, но приобрёл первый опыт: нужно соблюдать защитные меры! Об этом говорилось в преподаваемой нам дисциплине – техника безопасности.

В результате я счастливо отделался. Упав с лестницы, набил шишку на голове и вывихнул палец. Могло быть и хуже. Поучительный случай остался со мной на всю жизнь. Этому способствовал и неожиданный эпизод: одного из наших ребят убило током. Смерть произошла также от неисполнения техники безопасности. Получается: вышли из училища и обо всём забыли! А эта профессия не прощает халатности! Электрики, как сапёры: крупно ошибиться можно лишь один раз! Второго уже не будет.

Вскоре, группу из пяти человек, в которую входил и я, молодой стажёр, отправили в N-ский район, село Николаевка. Стояла уже зима, а нам предназначалось сменить провода на линиях электропередачи. Зачем? Здесь были протянуты стальные и в результате повышенного сопротивления току, на их нагрев терялась значительная часть энергии. Вдали от станции, от недостатка напряжения, лампочки "горели" тусклым светом. Мы же, должны были смонтировать алюми-

ниевые. Стояли холода: стужа достигала двадцати градусов. Дули пронизывающие ветры. При этом, одеты все, как попало.

В селе было несколько улиц. На электростанции отключали нужную для монтажа, и... начиналась профессиональная "романтика". Мы лазали по деревянным опорам: отвязывали стальные жилы и сбрасывали их на землю. В процессе, некоторые изоляторы приходилось переставлять – болтались на крюках. Разматывали из бухты новые провода и тянули вдоль линий. Затем поднимали наверх. Приданный трактор натягивал их, по одному, а мы, находясь на опорах, привязывали к изоляторам. И всё это по снегу и с морозным ветром. Однажды, у меня так замёрзли колени, что перестали гнуться, и я спускался при помощи товарищей. "Романтика" – чего хотел, бросив учёбу, то и получил!

Вечерами, отогреваясь, пили самогон. Его приносили благодарные жители, у которых заметно повышалось напряжение в сети, и начинали работать телевизоры. Взрослые товарищи понемногу плескали и мне. Так я с раннего возраста, постепенно приобщался к порабощаемому людей зелью. О курении и не говорю: дымил всюю!

О том периоде осталась одна странность: я помню о приездах на рабочие участки кассира из спецколонны, но совершенно забыл о величине заработной платы. Словно её и не было.

Но, продолжало повторяться и другое наваждение: чару-

ющие сны. Примерное, раз в три недели, месяц, я встречался в них со своей дульциней. Это бывали волшебные ночи. В них я её видел в образе девушки из последней нашей встречи. Но, какие это были грёзы! В них проявлялся контраст прежней реальности. Бывшие мои мечты и желаемые теперь измышления, воплощались в этих видениях в надуманные взаимоотношения, и... наступало счастье: она была ласкова со мной! Интересно то, что до интима дело никогда не доходило: был очарован лишь её присутствием... Но, просыпаясь, я впадал в уныние: это был лишь очередной сон.

Так прошло несколько месяцев. Отрабатывая затраты государства на свою учёбу, молодой электромонтёр мыкался по области, строя и обновляя ЛЭП, и меняя проводку в домах граждан. Иногда, по выходным, я ездил в своё село. Мама с папой радовались каждому приезду. Я рассказывал о работе, вручал им деньги. Мне их требовалось мало: "нарядиться" было некуда. Встречался с нашими ребятами, одноклассниками. При виде кого-либо из них, на ум являлась моя пассия, и я спрашивал: не знает ли кто, где она сейчас находится? Почти все девушки удивлялись моей меняющейся внешности и "не ведали" о её местонахождении. А Катя где-то училась.

Видимо, я начинал взрослеть, так в это время, впервые заострил внимание на рассказы товарищей. А говорили они о том, что некоторые мужчины и женщины, даже семейные, гуляют друг от друга. Причём, как бы тайно (так они дума-

ют), но об их встречах знает большинство жителей деревни. Подобные "секреты" вызывали у многих насмешки, так как о них ведали все, кроме тех, которые должны были знать о них. На этой почве случались грандиозные скандалы, мордобития и разводы. Это, видимо, происходило и раньше, но в силу своей молодости, я не обращал внимания на подобные события. Сейчас меня удивили слухи о Райке. Она, живя с ребёнком у родителей, "гуляла" с женатым мужчиной, который, якобы и приходился ему отцом. И это только в нашем селе! А что в других, а окрест? Чёрная паутина жизни!

Глава 5

В подобном плане шло время и к осени мою особу, внезапно, вызвали в военкомат. Там выдали направление в автомотоклуб: учиться на водителя автомобиля. Это явилось желанным событием. В спецколонне я проявил себя с лучшей стороны и меня постарались оставить. Но военный комиссариат был непреклонен: армии нужны водители! Что делать? Со мной тепло попрощались товарищи по работе и я, с грамотой, премией от руководства и с похвальной характеристикой, отбыл восвояси. До начала учёбы оставалось несколько дней.

Идя как-то по улице, я неожиданно встретился с... Райкой. Увидев меня, она остановилась и... заплакала. Я удивился её невзрачному виду после родов, но промолчал. Она стала гулящей "серой мышкой". Мне всегда хотелось узнать у неё о том, почему она указала меня виновником своей беременности и кого скрывала? Но, увидев девушку горько плачущей, я отложил своё любопытство. Мне стало жалко её. Она же была, можно сказать, подругой детства и "погорела" на своём излишнем любопытстве к запретным вещам. Сказала мне, что "сидит" дома, с ребёнком. А прощаясь, вымолвила:

"Сева, я всегда мечтала быть рядом с тобой, но, видно, не судьба!"

Попросив у дяди Вани мотоцикл, я с тайной надеждой поехал в Степное и, неожиданно, встретил там... Кнопку.

– Галя, ты ли это? – обрадовано воскликнул я, – сколько лет...?

Девушка, вначале, удивлённо смотрела на меня и едва узнавала. Затем озарилась улыбкой:

– Емеля? Ох, каким ты стал красавчиком!

Неопытный лох совершил большую ошибку. Вместо того чтобы восхититься образом одноклассницы, её "красотой", я тут же заговорил о своём "обожании":

– Галя, ты скажешь, где учится Катя? – вы же подруги. Дай мне её адрес: почему-то его никто не знает.

У барышни погас задор в глазах, и она потускнела:

– Ха, Емеля, ты, по-прежнему, на своём коньке! Пора бы забыть детское увлечение. Не думает она о тебе, не мыслит, а ты никак в толк не возьмёшь! Что ты зациклился на ней? Гордость надо иметь! Она после института будет птицей высокого полёта, а ты кто? – электрик! Ха-ха. Не знаю я её адреса: она сменила квартиру и ещё не прислала новый. Удивляюсь я: других девушек, не видишь что ли? Вокруг тебя многие вьются, а ты вцепился в одну неё.

Я понял: и здесь толку не будет. Кнопка предлагала себя вместо подруги. Интересно, чтобы она, в случае удачи, говорила ей потом? Ведь сама же, советовала Кате "отшивать" меня. Получилось бы: придерживала для себя!

Автомотоклуб я также окончил с отличием. И здесь моя

фотография находилась на доске почёта учебного заведения. Устройство автомобиля изучил в совершенстве. В постижении работы электрооборудования железных коней, мне здорово помогли профессиональные знания. Для большинства курсантов это был самый туманный вопрос. Да и понятно, без глубокого знания основ возникновения этой энергии, невозможно уяснить и работу приборов.

После окончания учёбы в автомотоклубе, я устроился на работу в качестве водителя – электромонтёра, с полуторным окладом, уже на районную подстанцию, а это в пределах двадцати километров от родителей. Там со мной произошёл запомнившийся мне досадный случай. Для обозначения трассы новой линии электропередачи, нужны были деревянные колышки. Меня обязали наделать их из бревна. Попилив его на отрезки необходимой длины, я принялся колоть их топором. Во время этого процесса, небольшая щепка, ударила меня в щёку и пробила её насквозь. Потекла кровь: повредил десну, заболели зубы.

До зимы мы установили опоры. В процессе, я подвозил необходимые принадлежности и помогал электромонтёрам в их оснастке и водружении в ямы. Затем монтировали провода.

Иногда, в выходные, ездил к родителям, повидаться с близкими и школьными товарищами. Мама с папой были довольны. В их понятии я "стал человеком": выучился, приобрёл профессию и, как и все, работаю. Значит, "не пропаду с

голода". При встречах с ребятами и девушками, всегда пытался узнать что-то о Кате, но, увы... по воле рока, до самого ухода на службу, никто так и не сказал мне, где она? Это было словно наваждение: о других одноклассниках всё знают. О ней же, всё безызвестно. Но, думаю, что некоторые особы не говорили из ревности.

А весной, в конце мая, меня забрали в армию. Служили тогда по три года, в гимнастёрках, брюках "галифе" и сапогах. Но после мобилизации, осенью, (не повезло мне) вступит приказ о переходе на двухлетнюю службу и в другом обмундировании. Итак, начиналась новая, совершенно отличная от настоящей жизнь. В военкомате меня определили в войска связи, водителем. Привезли безусых юнцов под Москву. В лесу, за одним ограждением, располагались три армейские части. Наша представляла собой универсальный узел связи, где были передающее, приёмное, телеграфное и телефонное отделения. Всех остригли наголо (тоже одна из форм унижения). После бани переодели в обмундирование и все стали похожи друг на друга. Начался курс молодого бойца. Три месяца изучали воинские уставы и специальные практики. А водителям пытались донести расширенные знания по работе агрегатов и электрооборудования автомобилей. Но это плохо получалось: не было знающих специалистов. Здесь я проявил себя в совершенных сведениях. В дальнейшем, на меня "обратил" внимание зампотех командира части.

Мы непросто привыкали к скудному в то время, воинскому рациону: всегда хотелось, есть и прятали в карманы хлеб из столовой: съедали его после отбоя, в кровати. Но этот номер удавался не всегда. Зная это, видимо, не одни мы были такие, нас нередко обыскивали по пути в казарму и отбирали "припасы". В этом проявляли рвение и, так называемые, "деды". Они же, при случае, издевались над молодыми солдатами. Непонятное отношение: как же, в случае вооружённого конфликта, воевать вместе, когда между сынами Марса существует неприязнь друг к другу? О подобных случаях на войне, нехотя, упоминал и папа. В подлецов, при атаках, стреляли сзади и свои, обиженные ими, служивые. Это определялось по входным отверстиям в спине. И было поучительными предупреждениями для других. Но сейчас об этом никто не думал.

Молодых "шмонали: в столовой, те же старики забирали сливочное масло, сахар. Но в дальнейшем, освоившись, мы приобрели стройность, покруглили лица. В этом сказывались распорядок и регулярная физическая подготовка.

По ночам, я стал чаще "встречаться, во снах, со своей дульцинеей: жаловался на армейские трудности. Она, почему-то вновь "охладела" ко мне и скептически выслушивала мои сетования на военную службу. Иногда, повторяла высказанную ею же фразу: "Это тебе не к девкам в трусы заглядывать!"

Я начинал с жаром доказывать, что ни к кому не лазал,

и она неправильно уяснила Райкины слова. Но Катя, "рассыпавшись" в смехе, исчезала, а мои оправдания оставались со мной. Просыпаясь и осознав, что это был лишь очередной сон, я облегчённо вздыхал: хорошо, что не наяву.

Всё бы ничего, но жизнь изрядно портили старослужащие – "деды". Пользуясь тем, что "молодые" оказывались в особенном для них положении: новое место, необычные обстановка и зависимость, незнакомые люди, они вели себя развязно по отношению к кротким и конфузливим "салагам". Об унижительных ухищрениях со стороны "дедов" можно написать книгу. Но основой в ней была бы мысль о кретинизме этих людей, поведением своим похожих на обезьян. Я ограничусь лишь одним показательным примером.

Не знаю, как сейчас, но в наше время существовала идиотская установка: раздеться и лечь в постель необходимо за сорок пять секунд – зачем? А подняться и быть уже одетым по форме – за минуту!! Кому нужны были такие показатели, никто не мог объяснить, даже офицеры. Это являлось настоящим издевательством, вызывающим к тому же, неприязнь друг к другу. Проводилась эта "тренировка" перед отходом ко сну. К этому времени, словно в театр, подтягивались недоумки – "дедушки". Они, со смехом и ядовитыми шуточками, наблюдали за стараниями "салаг" выполнить эти нормативы. Нашей группой курса молодого бойца командовал старший сержант Буракин, говнюк высшей пробы, кажется, с Алтая.

Глава 6

В один из дней у него был день рождения: ему исполнилось двадцать три года. И он, в алкогольном "угаре", столько же раз поднял и уложил нас в кровать. Представляете, с каждым разом мы всё больше потели, а значит, гимнастёрки и брюки всё труднее было снять. Некоторые ребята рвали их, лишь бы успеть упасть в кровать. Но, у кого-то, обязательно не получалось и с этим предлогом, он поднимал нас снова. Одеваться становилось всё труднее: все были мокрые. А этот подлец, обязательно говорил, из-за кого он, якобы, это делает.

Все "шипели" на несчастного, а он не знал, как быть? Ну, не получается у него сделать это резво. Таких было несколько парней. К тому же, койки являлись двухъярусными, и забраться наверх тоже требовалось время. Пьяные "старики", словно, на концерте юмора, хохотали над бесполезными усилиями салаг.

Был среди нас высокий, долговязый двухметровый парень, – Толик Богомол, из Воронежа. На двадцать третьем разе, он запрыгнул на верхний ярус и о гвоздь, забитый кем-то над кроватью, сильно распорол ягодицу, но затаился.

"Концерт" пришёл к финалу: пьяная компания, со смехом, покинула нас. Всем не верилось, что издевательство закончилось. Но тут произошло неожиданное: на лежащего в

нижней кровати, под Толиком, парня, что-то закапало сверху. Разумея худшее, он вскочил и включил свет. Это оказалось не мочой, но кровью. Ватные матрацы были старыми: набивка в них сбилась комками, и юшка запросто просочилась между ними. Анатолия стащили с верха и увидели ужасную рану. Мы подняли крик. Появился дежурный по части, но успокоить "ватагу" не сумел: слишком много накопилось эмоций. Старики не появились, так как все были под градусом – их "геройство" проявлялось только в общении с нами.

Офицер вызвал командира части, замполита. Узнав в чём дело, пьяную компанию арестовали и отправили на гауптвахту. Толику в санчасти зашили разрыв. Нам же, пообещали, что больше такого не повторится. Через несколько дней деды вернулись, но Буракина среди них уже не было. Мы так и не узнали о дальнейшей его судьбе. Одни говорили, что тайком демобилизовали. Другие – отправили в штрафбат. Командир части у нас был очень строгий и не терпел "стариковщину".

Как бы то ни было, но отношение к нам со стороны "дедов" изменилось к лучшему. Они стали остерегаться нас: никому не хотелось иметь неприятности в конце службы. А они являлись предпоследним призывом, прослужившим три года. Вскоре нас свозили на полигон, где мы стреляли из автоматов Калашникова – АК-47. Это оказалось очень трудным делом. Я не попал даже в мишень. Представьте, оружие производит шестьсот выстрелов минуту. А сколько в секунду! Нам выдали по девять патронов и поставили условие: бить

короткими очередями, по три выстрела. И это в первый раз, когда нет понятия о стрельбе и привычки к оружию! К тому же, автомат сильно дёргался в руках.

Происходили комичные вещи. Я сумел выстрелить лишь два раза, но не попал даже в круги мишени. Большинство ребят "бабахнуло" лишь одной очередью. Мы зароптали в том плане, что оружие не пристреляно, и так сделать нереально. Присутствующий здесь зампотех командира майор Сёмин, забрал у кого-то АК-47, зарядил его десятью патронами. Затем объявил: он сделает пять очередей, по два выстрела в каждой. Мы затаили дыхание. Он реализовал своё слово в поражении пяти мишеней. Мы были в шоке и больше не заикались о неудачных автоматах: поняли, что мешает плохому танцору?

Вскоре мы приняли присягу, и молодые солдаты получили различные назначения. Я оказался в телеграфном отделении, водителем автомобиля ГАЗ-63, с соответствующим оборудованием. Затем мы, на закреплённых автомобилях, совершили марш в пятьсот километров. Транспорт был весь новый, и пробег получился почти совершенным. Лишь один раз задёргался автомобиль ЗИЛ-157 из передающего отделения. Да так, что невозможно стало двигаться. Имеющиеся специалисты были бессильны.

Нас построили и провели опрос: случилось ли у кого такое? Я объявил, что возможно множество причин в системах, как питания, так и электрооборудования. Вызвался по-

смотреть. На месте двигатель работал отлично. Значит, в движении что-то происходило от вибрации. При диагностике выяснилось, что сильно ослабло крепление проводов на одном из контактов замка зажигания. У меня появилось подозрение на то, что гаечку открутили специально. С её завёртыванием всё стало на свои места. Капитан Смирнов выразил мне благодарность.

С этого началась моя служба в телеграфном отделении.

Вскоре произошло неординарное событие: меня вызвал к себе заместитель командира по технической части майор Семин. В беседе со мной, он "прощупывал" мою эрудированность и сказал неожиданную для меня новость. Оказывается, командующий нами, молодыми, и обозванный мною подлецом, старший сержант Буракин, докладывал ему о моих знаниях автомобилей и электричества. Об этом же, сказал и капитан Смирнов. А вызвал он меня с необычным предложением. С последней группой уволился техник технической части, и должность, подчинённая зампотеху, оказалась свободной. На гражданке она соответствовала бы механику, с некоторыми правами заведующего гаражом.

После длительной беседы, майор спросил:

– Как, потянешь должность? Выделю тебя из всех, присвою сержантское звание.

Я пожал плечами:

– Не могу сказать. Я же ничего не знаю: в армии пять месяцев. Да и у нас много автомобилей – пять отделений, су-

мею ли я удержать все в исправности?

Начальник улыбнулся: понравилась моя скромность.

– Ты будешь повиноваться только мне и командиру. В твоём подчинении окажется военная авторемонтная мастерская с двумя "слесарями". Никто не станет отвлекать тебя от главной обязанности: содержать автомобили в боевой готовности. А они у нас новые, хлопот с ними не будет. Я помогу тебе. А к концу службы сделаю старшиной, – подыграл он на моём самолюбии, – думаю, мы справимся. Попробуем?

Что мне оставалось делать? К тому же, проявилось "колхозное" тщеславие: "Поднимусь над рядовым составом, буду сержантом! И денег получать больше!"

Всё это молнией мелькнуло в голове, и я согласно кивнул. Лицо у Сёмина посветлело:

– Ну, вот и прекрасно. Автомобильный состав ты хорошо знаешь, справишься. В частности, будешь отражать в карточках техническое состояние транспорта, плановые обслуживания и произведённые ремонты. Но, техника должна всегда быть в боевой готовности и это твоя главная обязанность. Потому присматривайся ко всему, можешь делать выборочные проверки технической готовности.

Применительно к автомобилям тебе будет дозволено всё. Но, свои мероприятия ты можешь осуществлять только с разрешения офицеров – начальников отделений. Необходимость проверок и возможные отказы в этом, ты должен отражать в рапортах мне.

Я даже "колхозным" умом понял, что в службе не всё будет гладко: не в силах сержанту отдать распоряжение офицеру. А в случаях "доносов", приобрету неприязнь к себе со стороны командных кадров. Но, поезд "ушёл", да и кто-то, до меня, как-то справлялся с должностью? Да, но то "старые" военнослужащие, привыкшие к режиму и знавшие все тонкости службы и обращения друг с другом. А в целом, о дальнейшем не хотелось думать: не боги же горшки обжигали! Как-нибудь обойдётся.

Глава 7

По истечении недели, перед строем, начальник штаба зачитал приказ командира о назначении меня на должность "техник технической части" и присвоении звания "младший сержант". Майор Сёмин сделал троекратный хлопок руками, что должно было означать удовлетворение. Так я стал хотя и маленьким, но "бугром". У меня забрали автомат, и, согласно штатному расписанию, выдали пистолет Макарова. "Старики" и в этом случае не упустили возможности поиздеваться: организовали унижительную процедуру возведения меня в сержанты. Уложив на кровать, со спущенными брюками, бичевали пряжками ремней мои ягодичы, стараясь оставить там красные звёзды.

Так началась моя новая жизнь. Служба была не трудной. Я постепенно вникал в свои обязанности. Офицеры подразделений стали привыкать к тому, что я, иногда, проверяю состояние их автомобилей и нахожу мелкие несоответствия.

...Прошло полгода моей службы и к нам поступило новое пополнение. Появилось несколько ребят, младших сержантов, из "учебок", а также и обычные призывники. Среди них были и водители, большинство с малым стажем вождения. Майор Сёмин объявил, что теперь, с "новым" техническим составом, курс молодого бойца: по специальной, строевой и физической подготовке, буду проводить я.

Это озадачило: два с половиной-три месяца я буду неотрывно занят с новобранцами, а как же с моими прямыми обязанностями? Там же необходимо напоминать о плановых технических обслуживаниях, текущих ремонтах, отражать их выполнение в карточках транспорта, да и вообще, другое. Но майор успокоил меня: часть моих функций он возьмёт на себя. Но и я не должен забываться: в свободное время обязан вести надзор за автомобилями и их техническим состоянием.

В дальнейшем я втянулся в это дело: но свободного времени стало меньше. Я спросил у зампотеха:

– Товарищ майор, а почему именно мне поручено заниматься с молодыми? Есть же сержанты, у которых больше свободного времени.

И он выдал неожиданную концепцию:

– Емельянов, я долго наблюдаю за тобой, и сделал вывод, что, таких "мягких", как ты, мало среди сержантов. Ты грамотный в своих квалификациях – специалист, и с очень хорошим характером. К тому же испытал на себе отношение к вам тупорылых "дедов". Мы думаем, что ты никогда и ни с кем не повторишь подобного. Запрещается, пользуясь мнимым превосходством, унижать своих товарищей, с которыми, возможно, придётся когда-то идти в сражение.

Итак, большинство трёхлетних служаков уволилось: остались на шесть месяцев несколько рядовых, прослуживших два с половиной года. А мы уже не были новоиспечёнными-

ми салагами. Я принял командование над двадцатью, ни на что неспособными, пока, молодыми водителями. Перед этим, по войсковой части, вышел соответствующий приказ о должностных назначениях сержантов, поступивших из учебных подразделений и вменяемом мне обучении группы новобранцев. Пришлось более подробно знакомиться с уставами вооружённых сил Советского Союза и взяться за более глубокое освоение работы устройств агрегатов и узлов автомобилей.

На мои плечи свалилась ответственность. От меня зависело, какими будут эти парни в дальнейшем? И, конечно же, испытав на себе издевательства "дедов", я ни в коем случае не допускал подобного отношения к молодым. За это даже слышал угрозы в свой адрес от "ретивых" старослужащих. Они осуждали меня за то, что я, показывая пример, выполняю вместе с ними физические упражнения, бегаю в кроссах. Дистанции были по три, пять и десять километров. А это, вначале, очень трудно давалось им.

С технической подготовкой было проще, но буквально никто не понимал схем электрооборудования автомобилей. А уж о том, что и как работает и говорить не приходилось.

Постепенно, мы присматривались друг к другу и подыскивали товарищей по духу, и взглядам на происходящее. Мои-ми корешами на всю жизнь сделались сержанты Юрай Вахирев – мастер по радиоделу и Тахат Бидаев – татарин, который по ошибке попал в нашу часть, но так и остался. Его "сдела-

ли" начальником, несуществующей у нас, столовой: мы питались в соседней части. Но она "появлялась" в то время, когда бывали на учениях и Тахат закармливал нас тушённой и кашами с мясом. Тогда это было нечто: лакомей я ничего не едал.

Сны с Катей всё также не покидали меня и по утрам навевали грустные мысли и картины. Но предаваться их созерцанию было некогда: я "крутился", словно, белка в колесе. Вскоре, нас стали поощрять увольнениями в Москву, где я ни разу не был. Эти мероприятия происходили редко, и вызывали у всех большой интерес. Всё-таки столица нашего государства! По причине этого, я до сих пор немного ориентируюсь в мегаполисе, в частности в схемах метро.

...Однажды, я с трёмя товарищами, в военной форме, спустился в подземку. На станции стояла электричка. Мы, надеясь успеть, кинулись к ней, но опоздали: она тронулась. Мимо поплыл вагон, и... я увидел своё "обожание". Оно стояло у окна и смотрело прямо на меня. Я в тот же миг узнал его и, опешив от неожиданности, с поднятыми руками, бросился к окну. Катя тоже увидела меня в солдате. У неё вскинулись вверх брови, расширились глаза. Она даже приникла к стеклу. Но "бездушная" электричка быстро увезла её в тёмноту тоннеля.

Я наскоро объяснил ребятам возникшую ситуацию, и мы прыгнули в другой поезд. Выскочили на следующей станции, почему-то полагая: она выйдет здесь, чтобы дожидаться ме-

ня. Но, увы, напрасно долго ходили по посадочным площадкам – её не было. Это стало очередным потрясением: судьба, словно нарочно, разлучает нас! Ведь были всего в нескольких шагах друг от друга! Вновь всколыхнулись давние надежды и фантазии. Она мало изменилась, и я увидел в ней всё тот же образ школьницы, но уже с проявлением некоего интереса ко мне.

Это удивило и взволновало: вызывало "глупые" мысли и появление некой надежды. Но на что? Прошло всего несколько лет после того, как она едва ли не зареклась в том, что никогда не будет со мной. Я это помнил, но, а вдруг... изменила своё отношение ко мне? Ведь подскочила же, когда увидела меня. Узнала даже в военной форме. И долго ещё бестолковые помыслы не покидали мою неразумную головушку. Это давило на психику и настроение. Даже ребята заметили произошедшую во мне перемену. Но "поезд ушёл", а я остался со своими воображениями.

Служба продолжалась, и в ней было всякое. Первые год-полтора получал поощрения, и даже повышение в звании. Но в последующем, как говорится, "оборзел". Подобно некоторым из пустоголовых, не раз подводил своего командира майора Сёмина. Мы бегали в самоволки к девушкам – телефонисткам, выпивали с ними. Попадались на этом и получали наказания: утрачивали увольнения в Москву, рост в звании. Приказ о моём очередном повышении до старшего сержанта, командир части порвал перед строем. Что тут можно

сказать? Мораль любого поступка обуславливается идейным содержанием индивидуума.

"Если человек идиот, то это надолго!" Эту фразу я буду вспоминать всю жизнь, как применительно к себе, так и к другим, подобным глупцам. А, как я убедился за прошедшую жизнь, их в народе едва ли не половина, просто никто не признаётся в этом. Их и легко выделить из массы: они всегда стараются показать себя умными, но часто бывают неудачливыми. Хотя с виду это и незаметно, но человек "варится" в себе, когда наступают минуты прозорливости. А это случается порой, и нет ничего горше осознания собственной глупости, ощущения дефицита ума и проявления стадного инстинкта в поведении: куда все, туда и я! Мы же не животные, но...!

Ситуация резко переменилась, когда на мою должность взяли поступившего к нам на службу сверхсрочника. Я передал ему всю документацию, инструкции и меня назначили на должность начальника МТО-АТ – мастерской по техническому обслуживанию и ремонту автомобилей, и тягачей. Она располагалась на базе ЗИЛ-157, по прозвищу "Поларис" и была невероятно тяжёлой и медлительной. В моём подчинении было двое ребят-слесарей. Здесь стало интересней, потому как мы выполняли не только техническое обслуживание отдельных машин, но иногда, даже и ремонт крупных агрегатов, вышедших из строя автомобилей.

Глава 8

Но, вскоре и на эту должность "пришёл" другой сверхсрочник. Меня перевели в хозяйственный взвод, в транспортное отделение. Я считался уже опытным шофёром, которого, в случае необходимости, часто использовали на других автомобилях. На военном автобусе ПАЗ я доставлял детей офицеров в школу близлежащего совхоза, а по окончании уроков забирал их. По случаю увольнений и отпуска водителя командира части, возил его на тогдашнем "джипе" – ГАЗ-69. Обиженный за мои тупоголовые проделки, он, видимо, презирая меня, мало разговаривал со мной.

На санитарном УАЗике – буханке, возил "страждущих" в госпиталь в г. Подольск. На ЗИЛ-130 – бельё и постельные принадлежности в г. Алабино, в гарнизонную "стирку". На нём же едва не погубил шесть человек в городе Кашира. Дело было зимой. На скольком шоссе я ехал со сверхсрочником из хозяйственного взвода. В тентованном кузове, по самый верх, находилось большое количество кирзовых сапог. Уже на окраине города, внезапно, у меня рвануло из рук баранку и ЗИЛа потянуло вправо. Впереди, в трёх – четырёх десятках метров находилась остановка автобуса, выполненная из нескольких тяжёлых железобетонных плит. За ними прятались от стужи четыре человек.

Я попытался тормозить, но тяжёлая машина продолжала

скользить. Тогда я начал давить на педаль периодически: это сработало и спасло нас. Автомобиль, приближаясь к остановке, стал нехотя замедляться. Я вывернул руль вправо и, буквально в двадцати сантиметрах от остановки, мы, едва не упав на бок, съехали в кювет. Всё это произошло в течение нескольких секунд, но я стал мокрым, а сверхсрочник закричал в голос, от страха. Невозможно даже представить, последствия, не применив, я необычный способ торможения. Мы бы разрушили остановку, а плиты задавили людей.

Оказалось, заклинило подшипник правого переднего колеса, а внутренняя обойма намертво приварилась к оси. Начальник, на попутных, отправился в подразделение за передвижной мастерской. Она прибыла только к вечеру. Инструментом, типа современной "болгарки", мы удалили обойму и установили новый подшипник. В часть мы прибыли едва ли не к полуночи, потому как "техпомощь" была тяжелой и едва тащилась на третьей передаче. Старший доложил командованию о происшествии и особо подчеркнул мои правильные действия. Мне была объявлена благодарность и очередное увольнение в Москву.

Но описывать всю трёхгодичную службу и книги не хватит. Как я писал выше, мы ходили в самоволки к молодым телефонисткам из чужой части. В ней же служили и вольнонаёмные женщины. Как они попадали в армию, я тогда не задумывался? Многие были наших лет, ходили в военной форме. Некоторые приезжали на службу, но большинство прожива-

ли в общежитии, в офицерском городке. Барышни, видимо, в надежде выйти замуж, привечали нас, прятали от патруля.

Однажды я познакомился с одной из них, прелестницей, по имени Вера. Она была в военной форме и шагала по обочине к нашей части. Я ехал из райцентра и подвёз её до ДОСов – домов офицерского состава. Мы условились о встрече. Я, как всегда, был на седьмом небе. Но молодая особа оказалась строгой и не позволяла никаких вольностей по отношению к себе. Наши встречи проходили только за разговорами. Мне же, разумеется, хотелось вящего, но девушка упорно "отшивала" меня в попытках более тесного "сближения". В общем, была молодчина, какую поискать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.